

лежностей Эйнштейн — все в итоге повести остались довольны. Хорошо, если бы в таком состоянии духа пребывал еще и читатель, расставаясь с повестью В. Чабановского.

3. ФИНИЦКАЯ

ПЛАСТ НАРОДНОЙ ИСТОРИИ

Н. Доможаков. В далеком аале. Роман. Перевод с хакасского. М. Изд-во «Современник». 1972

Среди многих младописьменных литератур, рождение которых совпало с Великим Октябрем, все явственнее обретает свое лицо и художественное творчество народов Сибири. Такие литературы, как хакасская или алтайская, за минувшее десятилетие пришли ко всеоюзному читателю многими поэтическими сборниками. Но проза, особенно ее крупные жанры — роман и повесть, — появилась у хакасов и алтайцев совсем недавно. Тем отрадное видеть, что лучшие из этих произведений отмечены уже чертами несомненной зрелости и отражают существенные стороны народной истории и характера.

Автор первого в Хакасии романа (на родном языке роман был опубликован в 1960 году) Н. Доможаков — один из основоположников молодой хакасской культуры — поэт, ученый, прозаик. Он автор и первого учебника хакасского языка. Роман «В далеком аале», самое крупное создание писателя, повествует о революционных событиях в Хакасии.

Роман начинается сильной сценой: в бешеной скачке мчится косяк лошадей, готовый все смять на своем пути. Этот образ символичен, он заставляет ощутить приближение, нарастание каких-то кардинальных событий, которые все сдвинут с устоявшихся мест.

В это неудержимое движение втянут и молодой пастух Сабис. На всем ходу срывается он с мчащейся лошади. И вот уже «небо и степь крутанулись... волчком в его глазах». Да, все встало на дыбы, и, кажется, в вихре лошадиного бега потеряется падающий всадник...

Так писатель передает человеческое смятение перед надвигающимися жизненными событиями.

Глоток живой влаги дает Сабису случайно наткнувшийся на него в степи русский кузнец Федор Полынцев. Ему, Полынцеву, предстоит в дальнейшем, преодолевая барьер национального недоверия, стать своим человеком в аале. А сейчас выстрел Федора отгоняет беркутов, которые кружат над лежащим в беспмятстве пастухом. Появление на страницах романа

одного из главных его героев тоже весьма показательное — именно русский кузнец становится организатором сил, поднимающихся против богачей-хищников, терзающих хакасскую землю.

Сама по себе эта символическая завязка романа может показаться несколько схематичной, но автору удалось в дальнейшем придать образу Полынцева конкретную, человеческую убедительность. Н. Доможаков внимателен к реалиям повседневного быта. Жизнь кузнеца полна будничных трудов и забот, в которых раскрывается этот интересный, общительный и в то же время твердый характер. Эта жизнь ничем как будто не отличается от жизни других сельчан. Но Федор Полынцев не только кузнечных дел мастер, он человек с опытом революционной борьбы, он быстрее и точнее других ориентируется в конфликтах, вызванных социальным переломом, и поэтому не удивительно, что именно кузнец в важнейший для аала момент классовой схватки становится вожаком и организатором поднявшейся бедноты.

Те, кто мечтает отделить Хакасию от России и сделать ее самостоятельной республикой, собирают и накапливают силы в глухой непроходимой тайге, куда не может проникнуть посторонний человек. Место, избранное бандитами, под стать их злоецим замыслам.

Н. Доможаков, желая вызвать у читателя вполне понятное отношение к классовым врагам, показывает их в ситуациях, важных с точки зрения национального жизненного уклада, национального характера. Для народа степняка и кочевника всегда лучшим другом был конь. В романе большое значение имеют те эпизоды, где бандиты прячут в тайге угнанный косяк лошадей, где разыгрывается своеобразная борьба главаря шайки Серге с вожаком косяка конем Мухортым. Конь этот не выносит присутствия Серге и не подпускает его к себе. За гордый нрав Мухортому приходится расплачиваться дорого — вся его спина кровотоит ранами от плети главаря бандитов. Но Мухортый не смиряется, характер его не сломен.

Так, с помощью точно найденных деталей писатель воссоздает своеобразие жизни своего народа, исследует эту жизнь в момент гигантского исторического сдвига, когда от каждого человека требовался предельно четкий выбор позиции, когда сама эта позиция проявлялась в решительном действии.

Преодолевая яростное сопротивление классового врага, люди из хакасского аала создавали победы и коммуны. Но борьба за новую жизнь не обходится без потерь. Гибнет от руки озверевшего кулака маленькая светловолосая Зойка, дочь кузнеца Федора. Автор подчеркивает, что это против будущего поднимают руку бывшие хозяева Хакасии. Они обречены, потому что возврата к прошлому нет и не может быть, потому что труженики аала полны решимости до конца отстаивать ростки новой жизни. В этом смысл тех сцен, где

показано, как сразу после похорон Зойки уходит в глухую тайгу красный отряд, чтобы добить врага в его убежище.

Мы видим бандитское логово. Видим, как готовятся к бою враги молодой советской власти. Они сильны, но им трудно избавиться от предчувствия близящегося конца. Этим предчувствием полна и мрачная, жуткая картина камлания шамана, пытающегося вернуть душу умирающему здесь человеку. Неистовствует шаман, пытается заглушить владеющий бандитами страх, пытаясь отогнать мысль о неминуемой расплате...

Разные лица, люди, характеры проходят перед нами в романе: это уже упоминавшийся молодой пастух Сабис, сознательная жизнь которого начинается в водовороте бурных событий; дед Сабиса, старый Хоортай, который первым поверил в честность помыслов русского кузнеца Федора; враги — Пичон Почкаев, мечтающий об отделении Хакасии от революционной России, и запутавшийся, сбитый с толку сложной обстановкой сын русского купца Фролка Самохвалов. Все эти персонажи, наделенные реальными жизненными судьбами, помогли автору воссоздать сложный образ времени.

Открывает произведение, как мы помним, картина бешено мчащегося косяка лошадей. Завершается повествование изображением впервые прилетевшего в Хакасию самолета-биплана.

На самолете прилетел старик Хоортай — он присутствовал на партийной краевой конференции и привез постановление об образовании Советской Хакасской республики. Эта весть взволновала людей. Они испытывают подлинный душевный подъем, и Н. Доможаков передает их состояние с такой же взволнованностью. Столько лет хакасы мечтали о свободной и светлой жизни. И вот оно, осуществление! И потому летящий самолет — зримое воплощение вторгающейся на хакасскую землю нови — воспринимается в этой картине как естественный вестник удивительных перемен.

При всех достоинствах романа — умении разворачивать сюжет, достоверной трактовке характеров — произведение не свободно от недостатков. И вот о чем хотелось бы особо сказать. Н. Доможаков умело живописует народный быт, традиции, обычаи, но в языке автора, в образной стихии, в самой пластике повествования явно недостает национальной окраски.

Нельзя, однако, забывать, что «В далеком аале» — первое крупное произведение хакасской прозы и то лучшее, что удалось писателю, — несомненное свидетельство определенной художественной зрелости молодой литературы. Поднят очень важный пласт истории хакасского народа. И поднят он Н. Доможаковым не только для своего, но и для всесоюзного читателя.

С. ГАРМАЕВА